

Глава 9

В свой третий визит Андре наконец пришёл не с пустыми руками.

Он принёс инструменты и под недоумённым, но полным предвкушения взглядом Чжун Цина установил во дворе качели.

Чжун Цин был в восторге.

С момента прибытия в этот мир он ни разу не качался на качелях. Собственно, у него никогда не было игрушек.

В условиях постоянного давления в Альянсе было мало развлечений, а единственный омега-воин всё своё детство провёл на тренировочных полигонах.

Андре, сидя в стороне и наслаждаясь десертом, которым его угостили хозяева, с удовлетворением отметил произведённый эффект.

Розы, свисавшие с крыши, по-прежнему были в идеальном состоянии, их цветы не увядали. А вот апельсиновые деревья и оленья трава во дворе, очевидно, давно не подстригались — их пышные ветви почти доставали до дорожки.

Установка качелей здесь имела свой скрытый смысл: все цветы заслуживали внимания, и чрезмерная сосредоточенность на розах была не к добру.

Чжун Цин лениво раскачивался.

Наигравшись вдоволь, он посмотрел на Андре и с улыбкой сказал:

— Боюсь, маршалу придётся на несколько дней отказаться от наших угощений.

Рука Андре, державшая пирожное, замерла.

— Почему?

Глаза Чжун Цина весело сузились; было видно, что он искренне рад.

— Я еду на Столичную звезду навестить родителей. Ректор уже дал разрешение.

— Я поеду с тобой, — не раздумывая, ответил Андре.

Сказав это, он понял, что прозвучало слишком фамильярно, почти навязчиво.

Но Чжун Цин не придавал этому значения и легко согласился:

— Хорошо.

Столичная звезда была политическим центром Альянса, раскинувшимся на три звёздные системы. Здесь обитали самые выдающиеся таланты, самые богатые семьи и самые невидимые клетки.

Хотя интенсивность гиперпрыжков была снижена до минимума, Чжун Цин всё равно чувствовал себя плохо. Всё путешествие он провёл в полудрёме и лишь спустя некоторое время после стыковки с трудом пришёл в себя.

Семья Чжун, по сути, уже ничем не отличалась от простолюдинов.

О том, что они когда-то были обедневшим аристократическим родом, вспоминали лишь потому, что отец Чжун Цина был выдающимся интеллектуалом, в прошлом — одним из лучших учёных научно-исследовательского института. Он принимал участие и в расшифровке программы «Ной», и в создании организации спецагентов.

Для учёного он был ещё молод, но по некоторым причинам слишком рано ушёл на покой.

Его жена, мать Чжун Цина, была очень красивой омегой. Её здоровье тоже было подорвано, но не из-за генетики, а из-за лекарств.

Вопреки своей омежьей природе, она принимала запрещённые препараты, чтобы избежать беременности, и чуть не умерла на операционном столе.

Столь высокая цена не была заплачена напрасно: она успешно разрушила свою репродуктивную полость, и потому у Чжун Цина не было ни братьев, ни сестёр.

Андре, исполнявшего роль водителя, отправили развлекаться, а Чжун Цин остался наедине с родителями.

Они втроём медленно шли по уединённой тропинке, болтая о пустяках. В основном говорили Чжун Цин и его мать, отец молча слушал, лишь изредка вставляя слово.

Их жизнь на пенсии была однообразна, да и жизнь Чжун Цина, похожая на жизнь домохозяйки, не изобиловала событиями. Вскоре темы для разговора иссякли. Пройдя ещё немного в молчании, Чжун Цин внезапно сказал:

— Я не могу найти в Ное ни одной уязвимости.

— Не торопись. Он — центральный процессор всей армии роботов, с ним не так-то просто справиться, — заговорила его мать-омега. — У меня есть предчувствие, что после войны в системе Номан всё изменится.

Отец-альфа поддержал её:

— После победы над Номаном его влияние и авторитет в Военном ведомстве превзойдут многих ветеранов. Он не будет сидеть сложа руки. Чжун Цин, тебе нужно набраться терпения. Институт не всё от меня скрывает. На основе полученных данных я написал несколько аналитических заметок. Когда будет время, прочти.

— Да, отец, я прочту.

Не успев толком поговорить о семейных делах, они снова свернули на работу, и желание гулять тут же пропало.

Отец-альфа настоял, чтобы сын немедленно вернулся домой и ознакомился с его аналитическим отчётом. Мать лишь виновато посмотрела на Чжун Цина, не смея возразить.

Вернувшись домой, Чжун Цин был заперт в кабинете.

Аналитический отчёт лежал на самом дне ящика стола. Чжун Цин достал его.

Это был рукописный документ. Среди длинных абзацев, написанных твёрдым мужским почерком, изредка встречались изящные, аккуратные приписки.

Замечания матери всегда были точны и пронизательны, но отец, казалось, привык к этому и не придавал им значения.

Чжун Цин заметил это ещё в самом начале своего пребывания в этом мире. Его мать обладала незаурядным умом и смелостью, но эти качества, словно находясь в слепой зоне, оставались незамеченными её отцом и мужем.

В их глазах хрупкая мать ничем не отличалась от других омег.

Брак и деторождение были её единственным предназначением, а талант и отвага — лишь инструментами для помощи мужу и воспитания детей. Только Чжун Цин, сам будучи омегой в этом мире, мог видеть в матери не просто омегу, а человека с выдающимися достоинствами.

Генная инженерия омег была гораздо сложнее, чем у альф, поэтому их численность всегда была меньше.

Для обеспечения генетического разнообразия Альянс постановил, что союз альфы и омеги нерасторжим.

Даже несмотря на то, что мать Чжун Цина, родив единственного сына-омегу, потеряла репродуктивную полость, её муж по закону не мог с ней развестись.

Поэтому он был вынужден вложить все ресурсы семьи Чжун в воспитание единственного сына.

В воспоминаниях Чжун Цина взгляд этого человека всегда был оценивающим, взвешивающим.

Он измерял его ценность. Сын-омега с выдающимися физическими и психологическими данными принёс ему славу. И пусть позже, после несчастного случая, его блеск померк, он смог заключить брак с наследником одного из самых могущественных кланов — маршалом Янь Цзи. С этой точки зрения, сын-омега оказался ничуть не хуже сына-альфы.

Этот человек никогда не поймёт, о чём думает его сын. И никогда не узнает, о чём думает его жена.

На третий день пребывания на Столичной звезде Андре вернулся.

Увидев его на пороге, Чжун Цин удивился.

— Маршал? Я думал, вы вернётесь в семью Ланкастер.

Андре посмотрел на него сверху вниз и глухо ответил:

— Я уже там был.

Чжун Цин посторонился, пропуская его в дом, и спросил:

— Вы так редко бываете дома в отпуске. Неужели ваши родители готовы отпустить вас всего через два-три дня?

— У них свои дела, — коротко пояснил Андре. — Я им не так важен, как ты думаешь.

Эти слова прозвучали небрежно, но продолжать расспросы было бы неуместно.

Чжун Цин сменил тему:

— Маршал пришёл как раз вовремя. Мы собирались обедать. Моя мать прекрасно готовит.

Андре кивнул и последовал за ним.

Отец Чжун Цина, выйдя из кабинета, замер, увидев высокого, незнакомого, но смутно знакомого альфу.

Он поправил очки и удивлённо воскликнул:

— Андре Ланкастер?

Только тогда Андре вспомнил, что не знаком со старшими членами семьи Чжун.

Семья Чжун пала так низко несколько десятилетий назад, что уже не получала приглашений даже на приёмы семьи Ланкастер. У них не было ни малейшего шанса породниться.

Его визит, по сути, был неуместен.

И действительно, следующий вопрос отца Чжун Цина был:

— Маршал, что привело вас сюда?

— В военном округе мы соседи, — Чжун Цин улыбнулся Андре, а затем повернулся к отцу. — Вы пока примите маршала, а я пойду на кухню, помогу маме.

Отец Чжун Цина махнул ему рукой, не сводя глаз с Андре.

— Маршал, прошу, садитесь.

Чжун Цин и его мать сидели в углу кухни. Под монотонный гул кухонных роботов они прислушивались к разговору в гостиной.

Звукоизоляция в доме была превосходной. Даже через приоткрытую дверь голоса доносились смутно.

Отец Чжун Цина повторил свой вопрос:

— Маршал, что привело вас сюда?

После двухсекундной паузы Андре ответил:

— Перед отъездом в Номан Янь Цзи попросил меня позаботиться о... вас. — Он сделал ещё одну короткую паузу и добавил: — Мы с ним учились вместе в Военной академии Альянса.

— Янь Цзи... он всегда хорошо относился к Чжун Цину. Кстати, об академии, Чжун Цин ведь тоже там учился. Он омега, и руководство хотело, чтобы он остался преподавать. Он даже несколько лет проработал ассистентом, но всё равно выбрал передовую. А потом случилось то, что случилось. И вот, после всех перипетий, он снова вернулся в академию. Эх, Чжун Цин ведь всего на пять курсов старше вас? Вы были знакомы в академии?

Андре молча слушал сетования отца Чжун Цина, но когда разговор неожиданно коснулся его, он на мгновение растерялся и лишь потом ответил:

— Да, мы были знакомы.

В этот момент кухонный робот издал сигнал, оповещая о готовности обеда.

Два омеги в углу отвлеклись на звук, а когда снова прислушались, в гостиной уже обсуждали военные действия.

Мать-омега обернулась к Чжун Цину с лукавой улыбкой.

— Судя по его поведению, он совсем не похож на воспитанника семьи Ланкастер.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Чжун Цин.

— Он выглядит каким-то простодушным.

Чжун Цин удивился. Он не заметил в Андре ничего подобного.

— Я, конечно, знаю, что он не прост. Те космические пираты — безжалостные убийцы и грабители. Тот, кто может с ними справиться, должен быть ещё хитрее и безжалостнее, — задумчиво произнесла мать. — Похоже, этот человек — мастер маскировки.

— Последним, о ком мама так говорила, был Янь Цзи, — заметил Чжун Цин.

— Янь Цзи притворялся перед тобой, потому что у него были на тебя виды. А у этого маршала Ланкастера какие причины?

Видя, что Чжун Цин молчит, мать-омега загадочно улыбнулась.

— Неужели те же самые?

В последние дни Андре зачастил к ним, да ещё и сам вызвался отвезти его на Столичную звезду. Это действительно выглядело необычно, ведь в академии они не были особенно близки.

Но и объяснять всё это лишь дружбой с Янь Цзи тоже было бы не совсем верно.

— В академии я был их ассистентом. В их комнате жили четверо. Кроме него, все трое признавались мне в любви. Но после моей свадьбы с Янь Цзи двое других быстро женились и завели детей. Похоже, их чувства не были такими уж глубокими.

— Ты хочешь сказать, что, живя в одной комнате, они влияли друг на друга не только в быту, но и в чувствах?

— Когда Янь Цзи говорил обо мне, он, должно быть, использовал все известные ему слова восхищения. Его слушателям было трудно не проникнуться симпатией к герою его рассказов. Но это чувство было наполовину настоящим, наполовину — нет. Они дарили мне цветы, писали любовные письма, но при малейшем препятствии тут же приходили в себя.

— А Ланкастер? У него свои цели, или он всё ещё в плену иллюзий?

На этот раз Чжун Цин молчал долго.

— Я не знаю.

— Тебе следует его проверить, — посоветовала мать.

После обеда мать с отцом ушли на прогулку, а Чжун Цин остался дома, чтобы продолжить работу с документами. Андре, который уже было попрощался, через десять минут вернулся.

Увидев его, Чжун Цин усмехнулся.

— Похоже, у маршала были сегодня дела, которые он хотел скрыть от моих родителей.

В комнате они были одни, и Андре наконец заговорил прямо:

— Столичная звезда — мой родной дом. Наконец-то настала моя очередь быть хозяином. Не хочешь прогуляться со мной?

Глаза Чжун Цина блеснули, но он тут же вспомнил о чём-то, и его взгляд поник.

— Женатым омегам не подобает появляться на публике, разве маршал не знает? В военном округе мало людей, и никто меня не осуждает. Но здесь, в столице, если я выйду один, это вызовет пересуды, а тем более — вместе с маршалом.

Голос Андре стал холодным.

— Семья Янь недовольна тобой. Что бы ты ни сделал, они всегда найдут повод для упреков. Неспособность решить семейные проблемы — это проявление слабости Янь Цзи.

— Янь Цзи и так сделал очень много, маршал Ланкастер, — мягко упрекнул его Чжун Цин. — Вы с ним оба маршалы Альянса, неужели вы не знаете, сколько дел на передовой? Если, находясь на фронте, он будет постоянно беспокоиться о жене в тылу, он не будет достойным солдатом, а я — достойным супругом.

Андре молчал, не пытаясь ни оправдаться, ни извиниться.

Наконец, Чжун Цин, почувствовав, что атмосфера накалилась, первым уступил и с улыбкой спросил:

— Куда маршал хочет меня отвести? Только, договоримся сразу, это должно быть уединённое место.

<http://bllate.org/book/16114/1582320>